

ОТНОШЕНИЕ моего поколения к Достоевскому менялось. В юности, впервые открыв для себя Достоевского, помню, находился в состоянии непреодолимого потрясения. Еще тогда понял, что передо мной — гений, совершенно особо стоящий в русской литературе. Потом это отношение было сметено, опрокинуто временем. Искренности уверенность, что Достоевский не может быть созвучен нашей эпохе, эта уверенность была одной из тех ошибок молодого общества, которые в свое время имели и свою логику, и свою правду. Болезненная жалостливость, растерянность перед враждебными силами мира, неверие в улучшение жизни — таким виделся нам тогда Достоевский. Мы были убеждены, что правильно понимаем писателя и что только так его и можно понимать.

Но развивалась жизнь, росло и взрослело новое общество, в оценках явлений литературных и искусства появились так недостававшие молодости нашего поколения вдумчивость, пристальность, глубина. Пришло ясное осознание того, что с искусством необходимо обращаться и более серьезно, и более бережно, — только в этом случае оно будет работать на нас в полную силу; появился и естественно вытекающий отсюда иронический взгляд на тот процесс «опрокидывания», которого не минул в свое время даже Пушкин.

К большому художнику мы возвращаемся не однажды, и всякий раз по-новому. Для этого нужно лишь событие, которое толкнуло бы нас на переосмысление.

Наши идеологические противники стараются противопоставить Достоевского всей русской литературе, как бы приобщить его к лагерю «страдающих». Его возносят как певца стра-

дания, одиночества, отчаяния, не знающего себе равных, так как именно эти настроения главенствуют в сегодняшнем западном мире.

Все это вызвало во мне яростное желание спорить, доказывать, что сегодняшний Достоевский, современный Достоевский, наконец русский Достоевский — это светлый Достоевский, Достоевский-борец, Достоевский-гуманист. Более того, я понял, что именно театр с его активнейшей силой убеждения — наилучшее поле боя за современного Достоевского. Я с головой ушел в работу. Необходимо было проникнуться мироощущением великого писателя, понять, чем важен и интересен он для сегодняшнего дня. Однако окончательно Достоевский «открылся» мне только тогда, когда я перечитал его пророческую речь, посвященную открытию памятника Пушкину. В ней я как бы нашел ответ на все проблемы, волнующие меня в теме «Достоевский сегодня».

Что поразило меня в этой речи? Я понял из нее, что Достоевский, как и все русские писатели, не был пессимистом, что это глубоко чуждо самой его человеческой природе. Вся речь пронизана верой в будущее, в ней чувствуется воображение гения, видящего далеко вперед: «...наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Сама идея эта — что человечество должно прийти к единству и что главенствующая роль здесь принадлежит России, — основная у Достоевского. И — пророческая. Достоевский ратовал за всемирное счастье. Как все это далеко от пессимизма! Какая мощь духа! Какая вера в будущее! Выражаясь современным языком — какая положительная программа!

«И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин». Задушевно и родственно. Ведь это надо же уметь так сказать, какие простые и одновременно какие сильные слова! «Всемирность», «всечеловечность», «стать братом всех людей» — в этом его кредо, в этом его миссия! Поэтому Достоевский и завоевал весь мир.

Известно, что западный

изведений Достоевского я выбрал для постановки в театре именно «Преступление и наказание». Во-первых, потому, что этот роман принято считать одним из самых «жестоких» произведений Достоевского. Во-вторых, Раскольников написан с такой глубиной сочувствия и проникновения в человеческий характер, что это порой ведет к неправильному толкованию замысла Достоевского. Позиция театра, который взялся за постанов-

верой во всевышнего, верой в земную человеческую любовь, в любовь женщины, готовой на самоотречение, на страдание.

Образ Сони Мармеладовой поставил Достоевского в один ряд с Пушкиным, с лучшими русскими писателями, воспевавшими духовную красоту женщины.

В чем одиночество человека сегодняшнего неустрашенного западного мира? В страхе перед жизнью, в потребности спрятаться от нее. Отрыв от прошло-

Достоевского в том, что он показал нам, как Раскольников проснулся от этого страшного сна. По черновикам мы знаем, что сначала писатель хотел привести своего героя к самоубийству или бегству за границу. И в том, и в другом случае идея романа была бы сведена к нулю, так как оба эти поступка доказали бы убежденность Раскольникова до последней минуты в своей правоте. В романе же Раскольников понимает, что гармония в жизни не в самоутверждении, а в самоотречении, в вере в жизнь, в вере в человека, в любви к человеку. Да разве смог бы когда-нибудь очнуться Раскольников от своего страшного сна, если бы не любовь Сони?

Мне могут сказать, что тут-то и начинается идея христианского прощения Достоевского. Буду спорить.

Нельзя, нет у нас прав закрывать глаза на эту сторону творчества Достоевского, фигуры достаточно сложной и противоречивой в нашей литературе, так же как нельзя вырвать из рук Сони Мармеладовой евангелие. Но идет время, за ним — право решающего голоса: **что будет жить** в творчестве художника, **а что уйдет**. Само время отказало религии в ее всеобъемлющей силе убеждения. Ушла в историю ее власть над душами людей. А Достоевский живет.

В одной из последних картин нашего спектакля на сцене возникает фигура распятого Христа, распятия, которым во все века благословлялось убийство и взаимоуничтожение: кровавые боины, инквизиции, крестовые походы, войны. Все это наблюдал, более того, благословлял бог. Он присутствует при последнем и самом страшном сне Раскольникова о всеобщем помешательстве мира. Чье? Идет рассказ о том страшном суде, где каждый — как бы тот же Раскольников с его одиночеством и единственностью. Эти люди ненавидят друг друга, они готовы к взаимоуничтожению, а потому и к самоуничтожению. Мир сходит с ума.

Таков последний сон Раскольникова. Дальше начинается возрождение, и в этом великая вера Достоевского в человека, вера в жизнь, в силы человеческие. Великое понимание того, что человек может как личность. Здесь я вижу высокий атеизм гения.

Я категорически не согласен с теми, кто считает, что Достоевский как бы наслаждается описанием пороков, извращений и страданий человеческих. Достоевский не только осуждает Раскольникова, преступившего через убийство, — в очерке о Пушкине писатель утверждает, что человек вообще не может быть счастлив, если пытается построить это счастье на несчастье другого. Так он объясняет отказ Татьяны Онегину. «Но какое же может быть счастье, если оно основано на чужом несчастье?» — восклицает Достоевский, считая, что именно в подобной требовательности к себе раскрывается «высшая гармония духа» пушкинской героини. Только ради великой веры в силу красоты человека Достоевский взял на свое обливающееся кровью сердце все боли человека, все его страхи. И в этом — великое проявление мужества гения Достоевского.

Достоевский призывает к тому, чтобы человечество решало свои проблемы мудростью. Творчество Достоевского должно питать корни современного искусства, так как в нем — великое и чистое противопоставление Человека с большой буквы всему тому страшному, что творится в сегодняшнем мире. Все это сегодня приобретает смысл, далеко выходящий за проблемы литературоведческие и театроведческие. Да и не может сегодня ни одна эстетическая или искусствоведческая проблема решаться вне общественных проблем.

Именно потому все мы должны, очень точно определить свою позицию к памяти светлого Достоевского, так как именно сегодня идеи Достоевского подтверждаются течением жизни — историей.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР

БОГАТСТВО БЕДНЫХ ЛЮДЕЙ

буржуазный мир породил всеобщую эгоистичность, некоммуникабельность людей, оттого так нуждаются эти одинокие, затерянные в огромном враждебном мире в пророческом слове Достоевского. Но даже если у Достоевского и отнять эту иступленную активную веру в человека, из него все равно не получится художник-пессимист — певец одиночества и страдания, — такой силой обличения пороков жизни, такой болью за человека пронизано все творчество писателя. Оно вызывает в человеке потребность изменить жизнь. Достоевский верил, что именно наш народ скажет свое слово.

Не следует забывать, что когда в первый год Советской власти Лениным подписывался декрет о том, кому из великих русских писателей надлежит поставить памятник, на втором месте — после Льва Толстого — стояло имя Достоевского.

Мне часто задают вопрос, почему из всех про-

ку «Преступления и наказания», должна быть предельно активной, четкой и убеждающей. Мы хотели, чтобы наш спектакль превратился в спор, борьбу за Достоевского. Наша задача заключалась в том, чтобы доказать, что это роман не о преступлении гордого человека, стоящего над всеми и потому взявшего на себя право «преступить» — убить, но роман о чудовищном заблуждении **одинокого** человека, роман об одиночестве несчастной души.

Над Раскольниковым нет неба. Мечется перед нами в бесплодных попытках вырваться из замкнутого пространства, из городского колодца, в сущности, очень беспомощный и очень несчастный человек. Так начинается спектакль. А кончается он видом внезапно открывшегося широчайшего горизонта, сливающегося с небом. Раскольников теперь не один. И это обретенное Раскольниковым небо даровано ему не религией, не

го, наркотики, распад сознания, секс. Всеобщий, всепоглощающий цинизм как результат животного страха. Попираются все основы человеческой гармонии, обратаемой веками. Это все очень печально и страшно...

Голос Сони Мармеладовой с ее силой духовности, самоотречения ради других не может не прозвучать в мире цинизма как крик чистой души о спасении Человека в человеке. Достоевский не только предостерегает. Он взывает к человечеству. Неужели человечество не понимает всего, что заложено в нем прекрасного?!

Наш спектакль называется «Петербургские сновидения», так как вся жизнь Раскольникова в романе решается нами как страшный сон, от которого он нашел в себе мужество проснуться. Раскольников век назад силой творческого гения Достоевского пророчески испытал все то, что испытывает сегодня человек в западном мире. И гений